

Л. ВОРОНКОВА

СОЛНЕЧНЫЙ
ДЕНЕК



ДЕТГИЗ · 1948

А. ВОРОНКОВА

В 753

СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЕК



Рисунки Н. Кнорринг

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА 1948 ЛЕНИНГРАД





БЕДОВАЯ КУРИЦА

Таня спала под белым холстинным пологом. Утром к маленькому сенному оконцу подошел петух да как запоет!

Таня и проснулась. Она подняла полог, посмотрела в оконце — солнышко уже высоко.

Таня слезла с постели и в одной рубашонке вышла во двор.

На дворе мать кормила кур.

— Цып-цып-цыпа-а-а!

Со всех сторон — и с усадьбы, и с улицы, и со двора — бежали и летели куры. Они хлопали крыльями

и кудахтали. Одна — рябая, мохноногая — впопыхах налетела на Таню, да так сильно, что Таня даже покачнулась.

— Вот бедовая, — сказала Таня, — прямо с ног сшибает!

— Эх ты, — засмеялась мать, — хохлаточка моя! С курицей не справилась!

И поцеловала Таню в теплые светлые завитки на макушке.





ЛАСТОЧКИ

Таня прошла через двор к палисаднику. Возле сирени, на самом солнцепеке росли в палисаднике веселые цветы мальвы. Эти цветы дедушка посеял, он очень их любит. Таня подняла голову к розовым бутонам — как они высоко растут! Взглясь рукой за шершавый стебель, стебель покачнулся, и капелька росы из алого цветка упала ей прямо на лицо.

— Еще один расцвел! — закричала Таня. — Мамушка, гляди — самый красный развернулся.

С шумом пролетела стайка маленьких черных ласточек, нагрянула на старую березу.

— Молодые ласточки летать учатся, — сказала

мать. — Ишь, как кричат, как рты разевают! Уже оперились, а все еще у матери корму просят.

Пролетела, просвистела синим крылом большая ласточка, поймала на лету козявку и сунула детенышу в широкий жадный рот. Маленькая птичка трепыхнула крылышками и чуть с ветки не свалилась. А остальные еще пуще подняли крик.

В это время пришел дедушка. Он убирал на конюшне лошадей, потому что он колхозный конюх.

Дедушка стал мыть руки под раковинником. А бабушка увидела из окна, что дед пришел, и закричала:

— Эй, народ честной, идите завтракать!





ТАНИН ПИРОЖОК

Все сидели за столом — дедушка, бабушка, мать и Таня.

На столе стоял большой медный самовар и фыркал паром.

Рядом с ним дымился горшок топленого молока с коричневой пенкой.

Чашки у всех были разные. У бабушки — голубая, у матери — с ягодками, у Тани — с петушками.

У деда не было чашки. Он пил чай из стакана. А на стакане была только одна синяя полоска

Бабушка достала из печи блюдо горячей картошки.

На круглых зарумяненных картошинах блестела крупная соль.

А Тане на блюде бабушка положила пухлый ржаной пирожок.



Таня обрадовалась.

— Эй, дедушка, — крикнула она, — а у тебя пирожка нету! А у меня-то есть!

— Подумаешь! Пирожок! — ответил дед. — А зато я вижу синенькую птичку, а ты нет.

— Где, где синенькая птичка?

— Да вон, на березе сидит.

Таня высунулась из окна.

Посмотрела на одну березу, посмотрела на другую.
И на липу посмотрела.

— Где же эта птичка?

А дед встал из-за стола, вышел на крыльцо, а когда вернулся, опять сказал, что видел синенькую птичку.

— Да ты не слушай старого! — сказала бабушка. — Он нарочно!

— Вот ведь какой ты, дед! — рассердилась Таня. — Все обманываешь!

Она села на свое место, хотела взять пирожок, а пирожка-то нет!

Таня посмотрела на всех по очереди — кто взял пирожок?

Мать смеется; только у нее пирожка нет. И у бабушки пирожка нет...

А дед удивляется:

— Что? Пирожок пропал? Э! Да не его ли я сейчас во дворе видел?

— Как так во дворе?

— Да так. Я иду в избу, а пирожок мне на встречу. Я спрашиваю: ты куда? А он говорит: я на солнышко, погреться. А ну погляди, нет ли его на крылечке.

Таня выбежала на крылечко, смотрит — и правда! Лежит ее пирожок на перильцах. Лежит и греется на солнышке.

Таня обрадовалась, схватила пирожок и прибежала обратно.

— Нашла беглеца? — сказала мать. — Ну вот и

хорошо. Садись чай пить. Да ешь скорей свой пирожок,
а то как бы опять не сбежал!

А бабушка покачала головой и проворчала
тихонько:

— Эх, старый! И все бы ему шутки пошучивать!





СНЕЖОК

На деревне зазвонил колокол. Это значит — колхозникам пора на работу. Мать повязалась платком, взяла грабли и пошла на луг. Дед отправился на конюшню посмотреть Зорьку. У Зорьки скоро должен родиться жеребенок, поэтому дед все ходит и смотрит и все тревожится.

Таня взяла куклу, обняла ее и вышла на улицу. Эта кукла была не ее, кукла была Алёнкина — в новеньком голубом ситцевом платье. Алёнка только вчера сшила его.

На улице никого не было. Белая пыль смирно лежала

на дороге. Только стая гусей паслась на низенькой кудрявой травке.

Увидев Таню, из-под крыльца выскочил Снежок, молодой лопухий пес с озорными глазами. Он уже успел сбегать на скотный двор, сунулся в свиную кормушку; промчался на реку к ребятам, которые ловили рыбу, и ухитрился стащить у них из ведра плотицу. Вернувшись, доел в своей плошке вчерашние щи, улегся в холодке и решил вздремнуть. Но, увидев Таню, не вытерпел и начал прыгать вокруг нее, хватать ее за платье то с одного бока, то с другого.



— Отстань, Снежок! — прикрикнула Таня. — Отстань, говорят!

Она оттолкнула Снежка и вдруг выронила куклу. А Снежок словно этого и ждал — подскочил, схватил куклу и помчался по улице.

— Отдай куклу! — закричала Таня и бросилась за Снежком. — Отдай куклу, озорник!

Но Снежок припустился еще сильнее. Наверно, он думал, что Таня играет с ним. Он промчался по улице, распугал гусей и за ветлами возле пруда свернул на усадьбы. Таня бежала за ним — сначала по дорожке, потом по траве до самого перелеска. Снежок бросился в кусты и скрылся. Таня видела только, как метнулся за кустами его белый лохматый хвост.

Таня остановилась.





ТАНЯ ВЪЕЗЖАЕТ В ДЕРЕВНЮ

Высокая трава со всех сторон окружала Таню. Тонкие лиловые колокольчики покачивались перед ней. Словно белые вырезные тарелочки, блестели в траве ромашки. Малиновая липкая дрёма легонько цеплялась за платье. Где-то внизу, в траве, на сто голосов стрекотали кузнечики.

Таня оглянулась. Ничего не видно, только головки цветов пестреют перед глазами. Да еще видны ольховые кусты, куда убежал Снежок, и елки вдали, высокие и хмурые...

— Снежок! — позвала Таня, — Снежок, где ты?

И пошла дальше, до самых кустов. Свежая зеленая тень лежала в кустах и кругом было тихо-тихо.



Тане стало страшно. Она повернула назад, попробовала бежать... Но куда побежишь, когда ни тропки нет, ни дорожки и дом неизвестно где! Таня вышла на бугорок, оглянулась и заплакала. Сначала она плакала потихоньку, а потом прибавила голосу. Ей казалось, что она теперь никогда не увидит мать, и бабушка больше не испечет ей пирожка, и дед не встретит ее у конюшни. И она закричала громко и отчаянно:

— Мама-а! Мамушка-а!

Вдруг из-за кустов показались две лошади. Высокие металлические колеса сверкнули на солнце.

Внизу под колесами что-то двигалось, что-то лязгало тихонько. И там, где проходили эти тонкие колеса, трава ложилась и расстилалась по земле.

Лошадьми правил парнишка. Он сидел, сдвинув на затылок рыжую кепку, и покрикивал:

— Ну-у! Шевелись! Последний разок! Последний...

— Да это Сережа Таланов! — обрадовалась Таня. — Это он на косилке траву косит!

И побежала навстречу Сереже.

Сережа Таланов увидел Таню и удивился:

— Ты как сюда попала?

— Снежок куклу утащил! — объяснила Таня. — А я за ним побежала...

— А куклу нашла?

— Нет! Он ее в кусты запрятал!

— Ну, а что ж ты домой не идешь?

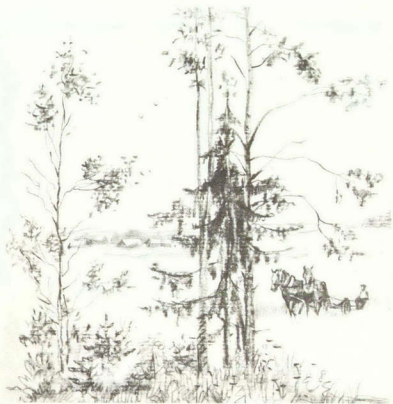
— Да я не знаю, где дом... Я тут совсем заблудилась!

Сережа нагнулся, поднял Таню и усадил рядом с собой.

И отсюда, с высоты, Таня увидела вдали какие-то крыши, выглядывающие из-за кустов. Возле одной

крыши стояли высокие березы, которые показались Тане очень знакомыми...

— Это чей колхоз? — спросила Таня.



— Вот так раз! — засмеялся Сережа. — Своей деревни не узнала.

Тане стало очень весело. Оказывается, она совсем недалеко от дома. Ну, конечно, это их деревня. И эти

березки — их березки, которые у них во дворе растут. Таня подумала: вот как здорово будет, когда она въедет на косилке в деревню! Только бы девчонки были на улице.

Всё случилось так, как хотелось Тане. Ее подружки были на улице — и Нюра, и Алёнка, и маленькие ребята. Все они стояли и смотрели, как проехала на косилке Таня.





НЕПРИЯТНЫЙ РАЗГОВОР

Серёжа ссадил Таню среди деревни. Ребятишки окружили её.

— Где была?

Таня начала рассказывать: она зашла далеко от дома, заблудилась в лесу, два волка выглядывали на неё из-за деревьев, хотели напасть, да побоялись...

Вдруг Алёнка спросила:

— А кукла моя где?

Таня сразу замолчала, забыла и про лес и про волков. Она глядела на Алёнку и просто не знала, что сказать. Алёнка почуяла недоброе.

— Отдавай куклу! — сказала она.

В это время на крыльцо вышла бабушка.
— Татьяна! — закричала она. — А ну-ка, иди, слазь на чердак, собери яички!
Таня встрепенулась.
— Я тебе ее после принесу! — сказала она Алёнке и побежала домой.
Вот спасибо бабушке, вот выручила Таню!





ЛИЗУН

Таня подошла к лестнице на чердак, взялась за перекладину и остановилась.

— Ну, что же ты? — спросила бабушка.

— Боюсь...

— Кого?

— Там лизун...

— Кто? Кто такой?

— Лизун.

— Да что же это за зверь такой?

— Это не зверь. Это лизун. Ну, это такой человек, только он весь в колючках. И язык у него в колючках.

Вот он всегда на чердаке живет. А если кого поймает, так своим колючим языком и залижет!

— Батюшки! Да кто же это тебе рассказал такое?

— Кто рассказал! Все говорят!

— Эх вы! — сказала бабушка. — Какого-то лизуна придумали... Ну, а со мной полезешь, не побоишься?

— С тобой не побоюсь.

— Ну так полезем вместе.

На чердаке было тихо, светло. Солнышко сквозило из-под застрех, и в слуховое окно падали широкие светлые лучи. Под крышей висело много березовых венников — это бабушка и мать их на зиму заготовили. От венников шел крепкий горьковатый запах.

Возле дымохода лежали пухлые горсти льна. Старая синяя лампа со сломанной горелкой стояла тут же. Возле стенок ютились соломенные плетушки. Это гнезда для кур. Сюда куры приходят класть яйца. Таня внимательно огляделась кругом: не выглядывает ли откуда лизун? Но лизуна что-то не было видно.

— Ну, теперь давай яйца собирать, — сказала бабушка. — Держи лукошко!

Таня держала лукошко, а бабушка снимала с гнезд и складывала в лукошко яйца. Со всех гнезд собрали, только по одному яичку оставили в каждом гнезде — это чтобы курам охотнее было нестись. Потом бабушка сказала:

— А загляни-ка вон в то гнездышко, на овчарнике — есть там что-нибудь?

Таня взглянула. В гнезде было пусто.

— Ни одного? — спросила бабушка.

— Ни одного! — ответила Таня.

— А скорлупки возле гнезда валяются?

— Нет. Никаких скорлупок нету!

— Что такое! И ведь не в первый раз... Какой-то зверь повадился яйца таскать — подследить надо!

Вдруг Таня ухватилась за бабушкин фартук: в од-



ном из темных углов она увидела длинные желтые колючки.

— Лизун! — взвизгнула она.

— Да где такое? Где ты видишь?

— Да вот он... Колючки торчат!

— Фу, глупая! — сказала бабушка.

Она подошла прямо к лизуну, схватила его за колючки и стащила с повети.

— Вот он, твой лизун, гляди!

Таня поглядела, а это старый деревянный гребень, на котором бабушка зимой кудельку прядет.

— Ну что? Страшный твой лизун?

Таня ничего не сказала, только засмеялась. И сразу все ее страхи куда-то пропали, будто их и не было.





ПОРΟΣЕНОК

Таня подошла к слуховому оконцу, поглядела вниз — ух, до чего высоко!

И отсюда она увидела, что Алёнка сидит у них во дворе на бревнышке, дожидается Таню. Таня нахмурилась: вот беда! Ну что она скажет Алёнке? Хоть бы спрятаться от нее куда-нибудь.

Таня слезла с чердака и через заднюю калитку пробралась в коровник. Оттуда она хотела пройти прямо на усадьбу, да и убежать подальше.

Но около овчарника она поскользнулась на соломе и схватилась за щеколду, чтобы не упасть. Щеколда вдруг выскочила, и дверь открылась.

В овчарнике жил поросенок. Поросенок скучал в своем тесном и душном закутке. Когда дверь откры-

лась, он сразу поднял пяточок, понюхал свежий воздух, радостно хрюкнул и со всех ног ринулся из овчарника.

— Ай! — закричала во дворе Алёнка.

Таня стояла за дверью овчарника и смотрела, как бушевал поросенок. Он вертел головой, хрюкал и носился по двору взад и вперед, взвизгивая от радости. Подбежал к скамейке — опрокинул ее. Подбежал к тазу с водой — перевернул таз и воду пролил. А потом увидел Алёнку и быстро засеменил к ней. Алёнка вскрикнула, выбежала со двора, и синее платье ее быстро замелькало за палисадником.

— Вот как! — засмеялась Таня. И тотчас закричала: — Бабушка! Бабушка, скорей, поросенок выскочил!





СРАЖЕНИЕ

Танины куклы жили на полу под лавкой. Их горница с одной стороны была отгорожена бабушкиным сундучком, а с другой — полосатой занавеской. В горнице стоял деревянный чурбачок, на нем лежала перина и было постелено пестрое одеяло. Это была кровать. Другой чурбачок, покрытый белой скатертью, служил обеденным столом. А в жестяной коробке, которая была сундуком, хранились куклины платья.

Куклы у Тани были тряпичные, с размалеванными щеками и с волосами из пакли.

Таня хмуро сидела перед ними, подперев кулаком подбородок.

— Может, Алёнке Грушу отдать? Жалко... У нее кофточка красная. Матрешу? Тоже жалко. Дуньку? Вот Дуньку не жалко — она совсем чумазая и волосы у нее почти оторвались. Но Дуньку Алёнка и не возьмет, пожалуй.

В это время в избу вошла Алёнка. Таня покраснела и тотчас задернула занавеску.

— Давай мою куклу! — потребовала Алёнка. — Где она у тебя?

— Она спит, — сказала Таня.

— Где спит? Покажи.

— Не покажу.

— Ты что, не отдавать, да?

Алёнка отдернула занавеску. Одни Танины куклы сидели в горнице, а ее новой, нарядной, не было.

— Отдавай! — закричала Алёнка. — А то я сейчас твоих всех... Вот! Вот!

И начала швырять Таниных кукол по всему полу. Грушу в красной кофточке она подкинула так высоко, что та пролетела через всю избу и шлепнулась в кадучку с водой.

Тогда Таня рассердилась:

— Уходи из избы! — закричала она. — Уходи из нашей избы!

Побежала, схватила веник и замахнулась на Алёнку. Алёнка испугалась веника и с криком побежала на улицу. На пороге она столкнулась с Таниной бабушкой.

— Это что за война? — сказала бабушка.

Таня и Алёнка закричали обе сразу:

— Она моих кукол расшвыряла! А одна вон как намочла — даже полиняла вся!

— А она мою куклу не отдает! Пусть отдаст!
— Так чего ж ты Алёнке куклу не отдаешь, а? —
спросила бабушка.



Таня опустила голову и заплакала. Бабушка обняла ее.

— Чего же тут плакать? Надо отдать, да и все!

Тогда Таня, громко всхлипывая, уткнулась в бабушкину кофту:

— Да как же я отдам, когда ее Снежок в кусты утащил!

Бабушка погладила Таню по голове и сказала:

— Вот нашли из-за чего ругаться да драться! Да я вам ужотко еще лучше куклу сделаю!





НА-ПОЛДНИ

Прозвонил колокол на обед. Мать пришла с работы и поставила грабли у крыльца. Она вытерла фартуком потное, красное от загара лицо, вымыла руки, взяла подойник и пошла доить корову на луг, туда, где стадо полднюет, отдыхает в холодке, переживает полуденную жару.

Таня увязалась за ней. Кого бы еще позвать? Разве Нюрку соседскую?

Нюре не очень-то хотелось итти в стадо по жару, но раз Таня зовет, то как же ей отказать?

Таня не знала, звать ей Алёнку или нет. Может, она теперь губы надула и сердится? Но Алёнка увидела, что девчата собрались на луг, и сама прибежала. А маленького Дёмушку и звать не надо было — он и так нигде не отставал.

Только Снежок остался дома. Он приподнял голову, посмотрел на них из-под крыльца и опять улегся — не стоит бежать, в холодке лучше... К тому же и Таня больно оттащила его за уши, когда он вернулся. Ну их, пусть идут...

Но когда девочки зашли за околицу, Снежку стало скучно. Он вскочил и припустился за ними, хлопая ушами.

Шли через ржаное поле по горячей белой дорожке. Густая рожь стояла по сторонам — ничего не видно, только синее небо да высокие колосья над головой. Колосья задевали волосы матери, проводили ей по щекам своими шелковистыми усиками.

— Хорошая нынче рожь, — сказала мать: — ишь, как дружно колосится, матушка!

Девочки собирали васильки. Пока шли сквозь рожь, все набрали по синему букету. А Таня все забегала вперед и кричала:

— Чур мой! Чур мой!

И не то что букет — целую охапку набрала.

За ржаным полем на цветущей луговине стояли маленькие домики. Это колхозная пасека. Пчелы гудели над пестрыми цветами.

— Идите потихоньку, — предупредила мать, — не бегайте, не сердите пчел.

Таня спряталась за мать, уцепилась за ее юбку. Алёнка тоже шла осторожно и зорко поглядывала кругом — не летит ли откуда злюка-пчела. А Нюра и совсем затаила дыхание.

Вдруг Дёмушка остановился и закричал:

— Алёнка!

Он стоял и отмахивался рукой от пчелы, которая гудела над его головой. Но чем больше он отмахивался,



тем сердитее гудела пчела. Дёмушка побежал, и в эту минуту — раз! — пчела ткнула его прямо за щеку. Да так больно, будто огнем обожгло. Дёмушка заревел благим матом.

— Ничего, — сказала мать. — Пройдет!

Дёмушка поплакал и перестал. А когда пришли на полднице, то все увидели, что щека у Дёмушки раздулась, будто он засунул туда орех. Девочки поглядели на него и начали смеяться.

— Дёмушка! Покажи, что ты за щеку спрятал?





НА РЕКЕ

Стадо полднело в лесочке у реки. Коровы стояли и лежали среди березок в холодке и лениво жевали жвачку. Две пестрые коровы забрели по колено в воду и стояли там неподвижно. Белая черноглазая Милка лежала под кустом. Она увидела мать, встала не спеша и протянула морду: корочка есть? Мать дала Милке корочку, погладила ее и села доить.

Девочки уже плескались в речке, брызгались и визжали на весь луг. Таня очень любила свою речку. Да и как было не любить ее — такая она тихая, светлая, все камушки и раковинки на дне видны сквозь воду!



HK

Тут, где вода еле достает до колен, хорошо. А вон у того берега, под густыми ветлами, вода темная, и на дне шевелятся косматые водоросли. И, как нарочно, желтые бубенчики растут именно там. Из их стеблей можно делать очень красивые цепочки, а среди желтых лепестков у них есть твердые темнозеленые кувшинчики, которые годятся для кукол. Но попробуй достань их! Даже Алёнка и то не ползет.

Вскоре на реку пришли ребята. Они прошли мимо девчонок на омут — не будут же они здесь на мели барахтаться! А потом Сережа Таланов взял да и приплыл с омута, залез в осоку и начал рычать, будто какой-нибудь зверь.

Девочки сначала испугались. А потом увидели, что это Сережка, и пристали:

— Достань бубенчиков!

Сережа встал на самом глубоком месте, — там ему было чуть-чуть выше пояса.

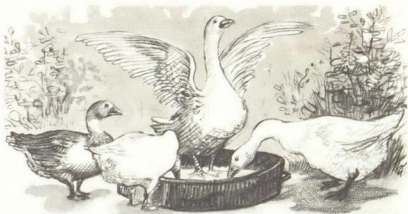
— И купаются тоже! — усмехнулся он. — Тут и окунуться-то негде! Эх, мелюзга!

Но бубенчики достал, бросил их на берег. А сам уплыл обратно на омут.

Мать подоила корову, подошла к реке.

— А ну-ка вылезайте! — сказала она. — Ведь поси-нели, а все-таки будут в реке сидеть, пока не выгонишь!





ДЕДОВА КАЛОША

После обеда мать снова ушла на покос. Бабушка легла на лежанку отдохнуть, а дед взял дерюжку и отправился куда-то искать холодку.

Таня сунулась было к бабушке.

— Бабушка, что же ты, про куклу-то забыла?

Но бабушка отмахнулась от нее, как от мухи:

— Да не забыла, сделаю... Уйди, дай отдохнуть!..

И отвернулась к стенке. Тихо и сонно стало в избе. Таня вышла на улицу.

Стояла жара. Солнце так припекало, что на дорожке у крыльца босыми ногами горячо было стоять. Птицы примолкли... Куры попрятались в тень под сиренью и лежали, раскрыв клювы от жары. Гуси столпились воз-

ле таза с водой, ныряли головами в воду, булькали. Потом гусак придумал: влез в таз и уселся. Вода полилась через край, а он, очень довольный, плескался и встряхивал крыльями. Когда он вылез, воды в тазу осталось на доньшке, да и та была грязная-прегрязная. А гусак ушел в холодок и лег. Гусыня за ним. Все легли, распластали большие крылья по траве, вытянули свои желтые перепончатые лапы — мочи нет, жарко!

Таня заглянула под крыльцо:

— Снежок, ты тут?

Снежок лежал неподвижно, вытянув ноги. Он открыл один глаз, посмотрел на Таню и снова закрыл: не до тебя, пропадаю от жары!

Таня встретила на улице Алёнку.

— Пойдем за цветами на луг? Венков навьем!

— Пойдем! — сказала Алёнка.

Девочки пошли на луг. Но только дошли они до околицы, как вдруг вдоль деревни пролетел вихрь. Зашумели ветлы над прудом, закружились по дороге соломинки и клочки сена. Черная туча поднялась из-за сарая и надвинулась на небо.

Таня и Алёнка собирали цветы на усадьбе.

— Буря идет, — сказала Алёнка. — Побежим домой!

Девочки побежали. Ветер трепал их платья и волосы. И только успели они вскочить на крыльцо, как по крыше застучали крупные капли дождя.

Дождь хлынул сразу, густой, шумный, хлынул так поспешно, что солнышко и спрятаться не успело. И оттого, что светило солнце, дождь блистал и сверкал, будто звонкое серебро падало с неба.

Сразу по двору побежали ручьи, а возле коровника разлилась большая лужа.



Перестал дождь так же сразу, как и начался, будто опрокинули на землю огромный ушат воды. Еще ярче засияло солнце, еще душистее запахла цветущая липа. По всей деревне звонко пели петухи.

— Ух, и лужу нахлюпало! — сказала Таня. — Вот бы лодку пустить!

— А лодка-то у нас где? — возразила Алёнка.

На крыльце стояли большие дедовы калоши. Таня сбегала и принесла одну калошу.

— Вот тебе и лодка!

Калоша поплыла. Но вскоре откуда-то в нее набралась вода. Калоша отяжелела, а потом вдруг повернулась набок, хлебнула воды, булькнула и утонула.

В это время на крыльцо вышел дед.

— Эй, бабка! — закричал он. — А где моя калоша?

— Здравствуйте, — ответила бабушка. — Калоши растерял!

— Да тут же они стояли! Одна здесь, а другой нет. Мне итти надо, а они куда-то калошу задевали!

Таня и Алёнка торопливо шарили по дну лужи. Калошу вытащили, вылили из нее воду. Но как ее подать деду, такую мокрую?

А дед поворчал — поворчал и пошел на конюшню в одной калоше.

Тогда Таня тихонько пробежала на крыльцо, поставила калошу и снова скрылась на задворки. Там они с Алёнкой сели на бревно под солнышком сушиться.

Немного погода вышла бабушка, увидела калошу, покачала головой:

— Совсем чудной старик становится. Битый час калошу искал, а она на месте стоит!



МАЛЕНЬКИЙ СОКОЛИК

Солнышко сошло с полуденной высоты, но пригревало еще очень горячо. Так горячо, что видно было, как над землей дрожит и струится знойный воздух.

Таня с Алёнкой сидели на бревнышках и слушали, как под навесом щебечут молодые ласточки. Вдруг на задворки прибежала Нюра.

— Вы тут сидите и ничего не знаете, — закричала она, — а на конюшне жеребенок родился!

Все побежали на конюшню.

Конюшня стояла на самом краю деревни, возле пруж-

да. Она была большая, со стеклянными окошками. Эту конюшню построили после войны.

Лошадей в конюшне не было, все работали. Только в одном стойле стояла рыжая Зорька. Дед подстилал ей чистую солому. Он увидел ребятшек и заворчал:

— Ну, чего пришли? Не видали вас тут?

Но девочки все-таки подошли поближе и увидели, что возле Зорьки стоит маленький жеребеночек.

— Ух ты, миленький! — воскликнула Таня. — Ух ты, хорошенький! А на лбу звездочка! Дедушка, дай я его поглажу.

— Нет, уж не гладь, — сказал дед. — Видишь, он и так боится.

Жеребенок поводит ушами, косился на Таню, прижимался к матке. А дед ласково уговаривал его:

— Ну-ну, Соколик, не пугайся! Мы тебя не обидим.

Шел мимо конюшни счетовод Иван Сергеевич. Он пришел с войны раненый, с тех пор с костылем ходит.

— Эй, Мироньч! — крикнул он деду. — Говорят, у тебя прибыль сегодня?

— А то как же! — гордо ответил дед. — Иди полюбуйся!

Счетоводу жеребенок понравился.

— Ишь ты, долгоногий какой! У нас в кавалерии такие были!

Шла на пруд тетка Марья. Поставила ведра среди дороги и тоже зашла в конюшню.

— Вот и хорошо, — хозяйство наше прибавляется! Скоро еще богаче, чем до войны, станем!

Потом пришел старик-сторож. Ему тоже хотелось жеребенка посмотреть — разве он не колхозник?

Но дед увидел, что много народу собралось, зама-хал рукой:

— Нет уж, идите-ка, пожалуй; нечего лошадь тревожить.

Все пошли со двора.



— Будь здоров, Мироныч, — сказали деду, — выхаживай коня.

— Да уж выходим, — ответил дед, — не беспокойтесь!

Но девочкам не хотелось уходить. Они еще постояли у ворот, посмотрели, как жеребеночек ходит возле матки и помахивает хвостом. А хвост у него пушистый, кудрявый и еще совсем маленький.





НОВАЯ КУКЛА

Таня и Алёнка прибежали к бабушке.

— Бабушка,— закричала Таня,— мы Соколика видели!

— Рыженький,— сказала Алёнка,— на лбу звездочка, а ноги длинные-длинные!

Но бабушка словно и не слышала. Она сидела у окна и что-то шила. А около нее на лавке лежал мешочек с лоскутками. Алёнка тихонько толкнула Таню:

— Спроси про куклу-то!

— Бабушка,— сказала Таня,— ты все какие-то заплатки пришиваешь, а про куклу и забыла совсем!

— Забыла, как бы не так! — ответила бабушка. —
А что же я, по-твоему, делаю?

— А что — куклу? Да?

Таня и Алёнка так и присмолились к бабушке, так и приклеились:



— Бабушка новую куклу шьет!

А у бабушки кукла-то почти готова была. И руки и ноги сделаны и светлая коса из чистого льна — заплетать можно. Осталось только одеть куклу да лицо на-малевать. Из синего сатина бабушка сшила кукле

юбку, а кофту сделала из желтого атласа. Потом бабушка взяла черный карандаш, нарисовала кукле брови, глаза, нос. А красным карандашом нарисовала губы и сделала густой круглый румянец.

— Натя, готова!

Алёнка бережно взяла куклу. Она глядела на нее и глаз не могла отвести — до чего нарядна! До чего хороша!

Тане тоже понравилась новая кукла.

— А ты когда-нибудь тоже отыщем, — сказала она. — А то ведь как ей там одной... в лесу?

Но счастливая Алёнка уже и думать забыла о старой кукле. Она только кивнула головой в ответ и пошла домой показывать всем свою румяную красавицу.





ДЕД РАССКАЗЫВАЕТ СКАЗКИ

Солнце медленно клонилось к дальнему лесу. Бабушка принесла молодой крапивы и стала рубить ее в корытце под навесом. Поросенок похрюкивал из закутки, словно спрашивал: а не мне ли там ужин готовится?

Дед сидел на бревнышках под березами, чинил хомуты и старую сбрую. От хомутов тепло пахло дегтем и лошадью. Таня примостилась к деду.

— Дедушка, — попросила она, — расскажи сказку!

— Ну что ж, слушай, — ответил дед.

И начал рассказывать:

— Жил-был Иван-царевич. Едет он однажды по тем-

ному лесу, смотрит — бежит ему навстречу избушка на курьих ножках...

— Эй, дед! — крикнула из-под навеса бабушка. — Ты что-то путаешь: избушка сроду не бегала.

— Ну, у тебя не бегала, а у нас бегают, — ответил дед. — Чего же ей не бегать, раз у нее ноги есть! Правду я говорю, внучка?

— Правду, — ответила Таня. — Ну, а дальше?

— Дальше? Вот сбила меня, старая... Давай я тебе лучше про Снегурочку расскажу.

— Вот жили старик со старухой, детей у них не было. Слепили они себе дочку из снега — Снегурочку. Принесли они дочку в избу. Старуха и говорит:

— Давай ее на печь посадим, пусть погрееется.

А старик:

— Что ты, бабка, да ведь она же растает!

— Молчи, старый! Много ты знаешь!

И сделала по-своему — упрямая она была. Посадила Снегурушку на печь. Ну, Снегурушка-то — ах! ох! — да и растаяла!

— Эй дед, что-то ты подвираешь! — опять вмешалась бабушка. — Дело-то не так было.

— Ну, у тебя не так, а у нас так. Правда, внучка?

— Правда. Еще рассказывай.

— Ну, слушай. Вот жили старик со старухой...

— А старуха упрямая была?

— У! Очень даже. Спорщица была. Вот и заспорила она, что старику пашню пахать легче, чем ей в избе убираться. Тогда старик и говорит: ну что ж, пожалуйста! Поезжай ты пахать, а я буду убираться в доме.

Остался старик дома. Встал пораньше, замесил хлебы, дал свинье корму, выпустил наседку с цыплятами.

А потом печь затопил, хлебы испек, обед в печку поставил и сидит, руки поджал, старуху дожидается. Все дела поделал, а старухи все нет и нет. Что такое? — думает. — Там и пашни-то часа на два.



К вечеру смотрит — идет его старуха без сохи и без лошади. Одни вожжи в руках. Бросила вожжи старику и кричит:

— У тебя и соха-то как чугунная вся — не поднимешь! У тебя и лошадь-то бешеная — не удержишь! И

земля-то у тебя в поле каменная — не прорежешь! Еле-еле одну борозду провела.

Тут бабушка не выдержала, вышла из-под навеса.

— Ох ты, старый! — сказала она. — И все-то было наоборот! Старуха-то в поле справилась еще получше старика, а вот старик-то в избе не справился! И печку растопить не сумел, и цыплят у него коршун потаскал, и опара у него из квашни ушла, и свинья у него в избу залезла, да опару съела! Уж ты, дед, молчи лучше!

— Не любит, когда про старух правду говорят, — подмигнул дед и улыбнулся.

— Ну а дальше? — спросила Таня.

— Ну а дальше они помирились, устроили пир. Патоку с имбирем варил дядя Симеон, бабушка Арина кушала, хвалила, а дедушка Елизар все пальчики облизал. И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало.

— Значит, ты облился весь?

— Весь облился.

— Ну, а дальше?

— А дальше — сказка вся, больше плесть нельзя. Сказке конец, а нам с тобой березовый ларец, в ларце плошки да ложки, да губные гармошки...

По улице шел дядя Матвей. Он издали поздоровался с дедом и сказал с улыбкой:

— Эва, сколько хомутов-то набрал! Видно, у тебя лошадей много.

— Все мои, — ответил дед. — Полна конюшня!

Таня поглядела на деда: как это так — все лошади его?

— Эй, дед! — сказала она. — Ты, оказывается, и вправду что-то не так говоришь: лошади-то не твои, а колхозные!



СТАДО ИДЕТ ДОМОЙ

Солнце спускалось все ниже да ниже. Докатилось оно до леса, осветило еще немного и спряталось за елки.

Сумерки вошли во двор. Трава стала влажной и прохладной, и закрылись на ночь алые цветы мальвы.

За околицей слышалось блеяние овец и мычание коров.

— Скотину гонят, — сказала Тане бабушка, — встречать помогай!

Первой во двор вошла корова Милка, большая, белая, рога калачом. Очень важно, ни на кого не глядя,

прошла Милка в свою закуску. Она знала, что там приготовлена ей свежая трава.

Вслед за коровой вошла телочка Нежка. У Нежки желтая спина, а ноги белые, будто в чулочках. Она как вошла во двор, так и начала мычать. Это значит: давайте ей поила.

Бабушка вынесла ей поило, а Таня стала загонять овец.

Овцы прибежали гурьбой. Они очень боялись отстать друг от дружки.

Бабушка закрыла в овчарнике овец, водворила на место телочку и ушла в избу. На дворе сразу затихло. Вот и дедушка убрал лошадей, идет домой. Вошел дедушка во двор, остановился под тополем:

— Эко пахнет как! — сказал он. — Как вечер, так это дерево будто мед на землю проливает!..





СЕРЕНЬКИЙ ЗВЕРЕК

Засинело на улице. Тоненький светлый месяц заглянул в окна. Мать взяла подойник, зажгла фонарь и сказала Тане:

— Пойдем со мной, дочка. Запоздала я сегодня корову доить, — посвети мне.

В коровнике тепло и как-то дремотно. Пахнет свежей травой, соломой. Шуршат овцы в овчарнике. Корова жует жвачку и сердито сопит: и что это ее нынче не доят так долго?

Наверху, на насестах, сидят куры. Они сидят бок о бок, прижавшись друг к другу мягкими перьями. Вот

одна пошевелилась во сне, уронила перышко. А петух увидел огонек, поднял голову и смотрит на Таню.



Таня держит фонарь, а от фонаря и свет и тени. Длинные тени, до самой крыши. Покачиваешь фонарь — и они качаются.



Вдруг Таня перестала качать фонарь и затаила дыхание. В сумеречном свете фонаря она увидела какого-то зверька. Этот зверек, серый, с длинным хвостом, бесшумно лез вверх по столбу на овчарник.

— Мамушка! — прошептала Таня. — Гляди, кто на овчарник-то полез!

Мать подняла голову. Зверек уже убежал. Но мать успела увидеть его.

— А! Так вот это кто яйца таскает — крыса! — сказала она. — Ну хорошо же! Вот мы завтра поставим капкан — так она живо забудет, как по гнездам лазить!





СНЕЖОК РАЗГОВАРИВАЕТ

Бабушка процедила парное молоко, налила Тане полную кружку. Таня съела с молоком ломоть черного хлеба и вышла на крыльцо. На крыльце лежал Снежок. Увидев Таню, он застучал хвостом, обрадовался.

— Миленький, — сказала Таня и уселась возле Снежка. Она обняла его за шею и прилегла головой к его длинной белой шерсти, в которой плотно засели репы.

Глаза у нее закрывались. От Снежка пахло псиной, но он был мягкий и теплый, и Тане возле него было очень удобно.

Чуть слышно шелестели березы над крыльцом. Теплый ветерок приносил свежие лесные запахи.

Откуда-то издалека слышались ей голоса матери и бабушки, звякала посуда на столе...



«Ужинать собирают», — подумалось Тане.

И вдруг Снежок повернулся к ней и прошептал ей на ухо:

— А знаешь, твоя кукла там, в траве, лежит, возле кустиков... Я тебе ее принесу завтра...

Вышла мать на крыльцо — звать Таню ужинать.
— Глядите-ка, — сказала она, — наша Татьянка, никак, вместе со Снежком уснула!

Она взяла Таню на руки, раздела ее, уложила в постель и опустила полог.





ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор Э. Эмден. Художественный редактор Д. Шаринов.

Технический редактор Н. Самогоровова.

Подписано к печати 24/VII 1948 г. А 04229. 7¹/₄ печ. л. 6,28 уч.-изд. л.
Отпечатано в типографии Н-12.